

Ю.В. Ломоносов

**Воспоминания о мартовской
революции 1917 г.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

Ю11 **Ю.В. Ломоносов**
Воспоминания о мартовской революции 1917 г. / Ю.В. Ломоносов – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 84 с.

ISBN 978-5-518-06737-0

ISBN 978-5-518-06737-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ этомъ рисункѣ нѣтъ красокъ; авторъ какъ будто умышленно избѣгаетъ пестрой иллюминавки; онъ чувствуетъ, что тамъ ничего не стоитъ киноваръ, гдѣ льется горячая человѣческая кровь; и ничтожны архитектурныя детали на грандіозномъ фасадѣ „Революціи.“

Зато здѣсь нѣтъ — „насъ возвышающаго“ обмана, какимъ чаруетъ читателя беллетристъ-художникъ.

Зато здѣсь все — живая плоть, удивительно воспроизведенный кинематографъ незабываемыхъ, неизгладимыхъ дней.

Въ самомъ стилѣ вы ясно чувствуете и первые раскаты революціоннаго грома, и тревожные гудки автомобилей, и эти нервные телефонные звонки, и судорожный трескъ безчисленныхъ телеграфныхъ аппаратовъ, на проволокахъ и рычагахъ которыхъ повисла судьба Россіи.

Это не тягучіе, бюрократическіе мемуары Витте, не приглаженныя, прилизанныя „Воспоминанія“ ремесленниковъ пера.

Самая отрывочность и эпизодичность „Воспоминаній“ какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ тому хаотическому на первый взглядъ клубку, вихрю событій и впечатлѣній, которыя принесла революція, одурманивъ не одну обывательскую голову, ослѣпивъ не одни близорукіе глаза.

Не растеряться въ ея головокружительномъ калейдоскопѣ, не потерять равновѣсія и зоркости, не поддаться нравственной морской болѣзни во время такой убійственной качки — большая заслуга.

Еще большая заслуга — не растерять этихъ неповторяемыхъ впечатлѣній и, „надъ собой держа контроль“, отлить ихъ въ форму яркой, интересной и поучительной книги, какъ это сдѣлалъ проф. Ломоносовъ.

„Нашъ и не нашъ“.

(Коммунистъ о проф. Ю. В. Ломоносовѣ.)

Среди дѣятелей современной Россіи имя Ю. В. Ломоносова стоитъ на совершенно особомъ мѣстѣ. Профессоръ по кафедрѣ желѣзныхъ дорогъ, авторъ 26-ти книгъ по желѣзнодорожной технику и экономикѣ, путейскій генераль царскаго режима... что общаго между нимъ и рабоче-крестьянскимъ правительствомъ Россіи. Когда онъ былъ искрененъ? Тогда ли, когда въ бѣлыхъ штанахъ и расшитомъ мундирѣ участвовалъ въ придворныхъ церемоніяхъ, или теперь, когда онъ выступаетъ на митингахъ въ Смольномъ?

Самъ онъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ обычно своей любимой фразой: „я генераль отъ паровозовъ и запасный рядовой отъ революціи“. Первое безспорно; имъ онъ былъ при царѣ, имъ онъ былъ при Керенскомъ, имъ онъ есть при совѣтской власти. Но второе подвергалось и подвергается сомнѣнію. Какъ могъ революціонеръ служить царю и шеголять въ бѣлыхъ штанахъ. Самъ Ломоносовъ оправдывается такъ: „я былъ въ запасѣ... а запасный солдатъ занимается всякими дѣлами: одинъ пашеть, другой пишетъ, третій работаетъ на заводѣ... а я занимался своей желѣзнодорожной спеціальностью. Когда же раздался революціонный призывъ, я оказался на своемъ мѣстѣ“. Дѣйствительно, въ 1905—1907 гг. Ломоносовъ принималъ живое участіе въ политической жизни юга Россіи подъ разными псевдонимами и флагомъ большевизма. Въ мартѣ 1917 г. онъ оказался въ первыхъ рядахъ, а въ октябрѣ... правда, съ нѣкоторымъ опозданіемъ сталъ на сторону социальной революціи, но уклонился отъ вступленія въ ряды коммунистической партіи. Добровольно пришелъ къ намъ изъ Америки, но не пошелъ съ нами. Работаетъ съ нами, а не нашъ. Свой и чужой.

Кто же онъ на самомъ дѣлѣ? Вся его жизнь — рядъ невѣроятныхъ антраша: родился въ старинной дворянской семьѣ, всю жизнь мечталъ крестьянствовать и оказался въ большевикахъ. Учился въ кадетскомъ корпусѣ, готовился тамъ въ духовную академію, а попалъ въ Институтъ Путей Сообщенія. Окончивъ эту строительную школу, никогда строительствомъ не занимался, а сталъ изучать паровозы. Добившись положенія одного изъ первыхъ спеціалистовъ, занялся экономическими вопросами транспорта и, въ концѣ концовъ, оказался Совѣтскимъ дипломатомъ. Любовь къ невѣроятнымъ приключеніямъ, страсть удивить собою окружающихъ — вотъ основныя черты его характера. Это аван-

тюристь милостью Божьей; но авантюристь, не лишенный послѣдовательности и благородства. Сказавъ А, онъ всегда скажетъ Z. Назвавъ себя социалистомъ, онъ въ 1916 г., правда, подъ давленіемъ жены, отказался отъ миллионнаго наслѣдства. Но былъ ли этотъ жестъ результатомъ его коммунистическихъ убѣжденій, предвидѣнія революціи (а онъ ее предвидѣлъ), или желаніе порисоваться — одному Аллаху извѣстно.

Его біографическія данныя? Родился въ 1876 году. Студентомъ мелькалъ въ марксистскихъ кругахъ, скорѣе всего въ цѣляхъ протеста противъ опеки своего дяди — извѣстнаго народника Карѣева. Студентомъ женился на богатой, но приданнаго не получилъ. Служилъ на Харьковско-Николаевской дорогѣ, гдѣ началъ свои знаменитые опыты надъ паровозами. Въ 1901 г. былъ избранъ профессоромъ Кіевского Политехническаго Института, откуда ушелъ въ концѣ 1907 года — съ одной стороны, вслѣдствіе опасности быть раскрытымъ царской охранкой, отчасти — вслѣдствіе новаго брака.

Пробывъ годъ на Екатерининской ж. д., въ началѣ 1909 г. онъ появился въ роли Начальника Тяги на Ташкентской ж. д., гдѣ пробылъ до конца 1910 г. Это былъ героическій періодъ его жизни. На далекой окраинѣ, при слабовольномъ начальникѣ дороги, умѣя подмазать и жандармовъ и контроль, онъ творилъ прямо чудеса. Прежде всего онъ окружилъ себя цѣлой плеядой талантливыхъ людей, среди которыхъ были люди всѣхъ націй, всѣхъ положеній, до профессиональныхъ революціонеровъ, жившихъ по фальшивымъ паспортамъ, включительно. Жизнь била ключемъ. Мы видѣли Ломоносова то на паровозѣ, изучающаго ихъ работу, то въ душныхъ деповскихъ конторахъ, обучающаго служащихъ новымъ методамъ счетоводства. Онъ умѣлъ вызвать инициативу въ самыхъ забитыхъ труженикахъ, умѣлъ подойти къ нимъ, понять ихъ нужды. Заработки утроились, и дорога изъ убыточной стала доходной, а въ техническомъ отношеніи — едва ли не первой въ Россіи.

Инженеры, которыхъ онъ заставлялъ работать наравнѣ съ нами, не любили и боялись его, но низы, надо правду сказать, обожали его. Это обожаніе, несомнѣнно, внесло сильную отраву въ его психику . . . сдѣлало его слишкомъ самоувѣреннымъ.

Въ самомъ концѣ 1910 г. Ломоносова, противъ его воли, перевели въ Питеръ на Николаевскую ж. д. Я помню, какъ въ садикѣ около вокзала въ Ташкентѣ ему подали депешу объ этомъ. Его чуть не хватилъ ударъ. „Это капуть мнѣ...

я не придворный, я рабочий. Тамъ мнѣ не сдобровать“. И точно, на Николаевской ж. д. при камергерѣ Ивановскомъ онъ едва удержалъ годъ и никакой популярности не приобрѣлъ . . . Ему приходилось все время балансировать, да и питерскій „генералинъ“ штука заразительная. Ссора его съ Ивановскимъ настолько выявила безстыдство послѣдняго, что даже министръ Рухловъ счелъ вынужденнымъ вознаграждать какъ нибудь Ломоносова, и вотъ, перескочивъ постъ начальника дороги, въ январѣ 1912 г. онъ оказался назначеннымъ помощникомъ начальника управления всѣхъ русскихъ дорогъ. Изъ революціонеровъ — въ сановники.

Говорятъ, Рухловъ зналъ кое-что о прошломъ Ломоносова и нерѣдко называлъ его „жидомасономъ“, но явно благоволилъ къ нему . . . Тѣмъ не менѣе, положеніе Ломоносова было слишкомъ нелѣпое при столь реакціонномъ министрѣ . . . и, формально не поладивъ на какомъ то техническомъ вопросѣ, Ломоносовъ въ концѣ 1912 года подалъ въ отставку и былъ назначенъ членомъ Инженернаго Совѣта, то-есть сданъ въ архивъ.

Для 36-ти лѣтъ это было рано, и едва ли Ломоносова утѣшили бѣлые штаны и зеленая подкладка. Онъ весь ушелъ въ научную работу, въ опыты надъ паровозами, въ писаніе техническихъ книгъ . . . Во время войны его привлекали не разъ къ активной работѣ, но кажется, не очень удачно. Въ мартовскую революцію онъ проявилъ удивительную энергію. . . но затѣмъ его услали въ Америку, откуда о его дѣятельности доходили самые разнообразные слухи, но въ концѣ концовъ онъ оказался тамъ среди сотрудниковъ Мартенса въ Совѣтскомъ бюро. Осенью 1919 г. онъ вернулся въ Россію, чтобы активно служить Совѣтской власти. Былъ предсѣдателемъ Комитета Государственныхъ Сооруженій, членомъ президіума Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства, теперь его назначили въ помощь Красину налаживать транспортъ. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Воскреснетъ ли ташкентскій Ломоносовъ или онъ окажется окончательно погребеннымъ подъ мишурой генеральскаго мундира царскихъ временъ *).

Коммунистъ.

*) Ломоносову только два мѣсяца пришлось пробыть въ этой должности. Послѣ сыпнаго тифа и полемики съ Троцкимъ онъ былъ назначенъ Уполномоченнымъ Совѣта Народныхъ Комисаровъ по ж. д. заказамъ заграницей.

Предисловіе автора къ англійскому изданію.

Немедленно послѣ окончанія мартовскихъ дней, я сдѣлалъ наспѣхъ замѣтки о томъ, чему въ теченіе ихъ я былъ очевидцемъ. • Эти замѣтки я захватилъ съ собой въ Америку, но такъ неудачно заложилъ ихъ между книгами, что онѣ разыскались только 2-го августа 1918 г. Тогда же, пользуясь досугомъ, я привелъ эти замѣтки въ порядокъ, и зимой 1918—19 г. читалъ ихъ въ Чикаго друзьямъ. Они настаивали и настаиваютъ на опубликованіи этихъ воспоминаній. Но, скажу откровенно, на это мнѣ рѣшиться было не легко: слишкомъ рѣзко измѣнились мои взгляды на многія явленія за эти два года; слишкомъ сильно у меня сейчасъ желаніе многое исправить въ моихъ замѣткахъ, многое вовсе передѣлать. Я удержался, однако, отъ этого. Если мои воспоминанія имѣютъ какую либо историческую цѣнность, то только въ томъ видѣ, какъ онѣ тогда у меня вылились. Для историка важны не только сами факты, но и то — какъ они претворялись въ сознаніи современниковъ.

Но все же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я счелъ полезнымъ снабдить мои замѣтки подстрочными примѣчаніями, являющимися результатомъ позднѣйшихъ переживаній и разсужденій.

Ю. В. Ломоносовъ.

9 мая 1919 г.
Нью-Йоркъ.

Предшествующіе дни.

Я прїѣхалъ въ Царское Село съ Румынскаго фронта 20 февраля. На фронтѣ жизнь текла своимъ чередомъ. Снарядовъ было вдоволь, но съ продовольствіемъ было плохо. Въ среднемъ мы въ Румыніи получили 60% назначеннаго, но въ отдѣльныхъ частяхъ эта цифра падала ниже 20%. Приходилось ѣсть дохлыхъ лошадей. Желѣзныя дороги, главнымъ образомъ, вслѣдствіе отчаяннаго состоянія паровозовъ, начали впадать въ параличъ. Не знаю даже, гдѣ было хуже: на румынскихъ или на нашихъ Юго-Западныхъ дорогахъ. Но правду въ министерствѣ слушать не хотѣли; въ этомъ отношеніи ставка была смѣлѣй.

Насколько плохо было съ желѣзными дорогами на румынскомъ фронтѣ, видно изъ того факта, что тамъ пришлось прїостановить обращеніе санитарныхъ поѣздовъ и отправлять раненыхъ въ товарныхъ вагонахъ, освобождаемыхъ отъ прибываемаго провіанта. Смертность была ужасная. Многие при 20-градусныхъ морозахъ просто замерзали въ неотопленныхъ вагонахъ. Возстановить же санитарные поѣзда — это значило прекратить подвозъ пищи здоровымъ. Вопросъ былъ поставленъ ребромъ: „Пусть умирають тѣ, кто уже выбылъ изъ строя“, рѣшилъ генераль Сахаровъ.

При такихъ условіяхъ недовольство въ арміи не могло не создаться. И оно конечно было. Удивительно то, что, насколько я слышалъ, это недовольство было направлено почти исключительно противъ Царя и особенно Царицы. Въ штабахъ и въ Ставкѣ Царицу ругали нещадно, поговаривали не только объ ея заточеніи, но даже о низложеніи Николая. Говорили объ этомъ даже за генеральскими столами. Но всегда, при всѣхъ разговорахъ этого рода наиболѣе вѣроятнымъ исходомъ казалась революція чисто дворцовая, въ родѣ убійства Павла.

Съ солдатами на фронтѣ мнѣ почти говорить не приходилось; мои генеральскіе погоны не располагали ихъ къ откровенности. Но помню, еще по дорогѣ въ Румынію на одной изъ станцій встрѣтился мнѣ знакомый солдатъ изъ зажиточныхъ полтавскихъ хлѣборобовъ, честный монархистъ и человекъ съ головой. Разговорились. Злобой дня тогда было убійство Распутина и нашъ разговоръ, естественно, обратился къ этой темѣ. Какъ сейчасъ я помню скорбные, недоумѣвающіе глаза моего собесѣдника и его полный тоски голосъ, когда онъ меня спрашивалъ: „Скажите мнѣ, вотъ

вы тамъ въ Царскомъ живете, скажите мнѣ, я васъ спрашиваю, какъ Царь такое похабство у себя въ домѣ терпитъ?“ Я только развелъ руками. „Я простой мужикъ, а не допустилъ бы такого сраму, а онъ, вѣдь, Государь, понимаете слово какое — Государь. За него мы здѣсь кровь льемъ!“ — „Развѣ за него?“ — „А то за кого же?“, но, подумавъ нѣсколько секундъ, прибавилъ: „а стоитъ ли онъ того?“.

Убийство Распутина вообще волновало тогда умы. Помню другую сцену въ Яссахъ на вокзалѣ. Чуть чуть брезжится зимнее утро. Медленно подходит этапный поѣздъ. На платформѣ суетится Пуришкевичъ, только что разбившій на площади свои питательныя палатки (многое ему за нихъ простится). Изъ вагоновъ высыпаютъ солдаты, офицеры. Среди нихъ головой всѣхъ выше казачій есаулъ, дѣтина пудовъ на двѣнадцать. Увидѣлъ Пуришкевича, остановился, уставился на него, крикнулъ и затѣмъ медленно съ перевалкой направился къ нему.

— Вы Пуришкевичъ?

— Я.

— Позвольте отъ лица русской арміи позать вашу благодарную руку — вы убили Распутина.

— Помилуйте. . .

— Не скромничайте. Вся Россія знаетъ. Пуришкевичу и всѣмъ, кто убилъ этого окаяннаго пса . . . ура!

„Уррра . . .“ загремѣло по всей платформѣ.

Итакъ, 20-го марта, около полудня пріѣхалъ я въ Царское. Былъ ясный морозный день. На вокзалѣ меня встрѣтила жена. Наняли извозчика, поѣхали домой. Пріѣхали. По таксѣ извозчику надо заплатить 35 коп., но я, въ виду военныхъ тяготъ, даю полтинникъ. Еще два мѣсяца передъ этимъ за такой „начай“ меня усиленно благодарили; а тутъ извозчикъ подбрасываетъ мой полтинникъ на рукѣ и задумчиво на него смотреть. А жена, понявъ въ чемъ дѣло, раздраженно мнѣ говорить:

— Да ты съ ума сошелъ, дай рубль.

— Рубль?

— Ну, да, ужъ давно такъ платимъ, вѣдь овесъ то поднялся въ четыре раза.

Я понялъ, что рубль за два мѣсяца моего отсутствія упалъ въ цѣнѣ болѣе, чѣмъ за все предшествующее время войны. Тѣ хвосты, которые я увидѣлъ на слѣдующій день въ Петроградѣ, показали, что и продуктовъ въ столицѣ очень мало. На хлѣбъ приходилось стоять въ очереди 3-4 часа, на молоко — 5-6, а на сапоги по суткамъ.